

© Владимир Цивин

О Наталье Савиновой.

В.Цыганков Н.Савинова.

В связи с прекрасной выставкой династии Савиновых в МИСПе захотелось сказать несколько слов отдельно о Наташе Савиновой. Вспомнил, что после ее смерти написал текст для будущей монографии, которая, к большому сожалению, так и не вышла... Вот этот текст.

О Наташе Савиновой

Метафора, сравнение помогают пониманию, приближают к истине, не зря в путешествиях мы все время сравниваем новые места и страны с родиной.

Если сравнивать равновеликих больших художников, наших современников Инну Олевскую и Наталью Савинову, то у обеих за мягкой женственной оболочкой – монолит, стальной характер. Твердость, точность, целеустремленность. Они всегда знают, что хотят и неустанно неуклонно это воплощают. Инна – изящная, тонкая, резкая, страстная, бескомпромиссная. Наталья – крупная, даже монументальная в последние годы, мягкая, деликатная, заботливая, по возможности избегающая конфликтов, идущая на компромиссы, но до известного ей предела. Она обладает твердым родовым кодексом чести и порядочности и пребывает в бесконечном поиске и сомнениях всегда любящей христианской души. Инна – поэзия, дух без быта, бесконечный полет, мир горний. Наташа – проза, материя, семья, дом, быт, мир земной, дольний. Она весомо стоит на земле. Мир – под ногами. Из сора под ногами «растут стихи, не ведая стыда»... Разность и цельность их талантов и судеб, их соизмеримость, страсть и сила напоминают в какой-то мере о другой великой паре, о Цветаевой и Ахматовой. Я не имею в виду, что кто-то из них похож на кого-то. Они, конечно, другие, резко индивидуальны, очень разнятся, да и страшный век их разделяющий дал этим парам разные шансы. Я, лишь замечаю, что природа опять, в какой уже раз, предъявляет одновременно мощные контрастные таланты парами. Оттеняет их различия и объединяет их усилия. Леонардо и Микеланджело; Гоген и Ван

Гог; Пикассо и Матисс; Мандельштам и Пастернак; Аршакуни и Егошин; Заславский и Задорин; Олевская и Савинова...

О работах

Вся жизнь Натальи Савиновой – это дом и семья. И тема ее искусства – дом и семья и все, что с ними связано. Домостроительство, вот чем она занимается всю жизнь. Она с редким детским упорством строит, лепит из глины бесчисленные дома, интерьеры, дачи, беседки в саду, веранды с семьями и застольями в Питере, в Юкках, на Казантипе. Или лепит путешествия, странствия из дома – Крым, Юрмала, Средняя Азия, Индия. Или лепит неутомимо домашние часы в дом, не на выставку, не в музей, а именно в дом. Лепит стаи домашних ангелов, хранителей очага, которые разлетелись по всему миру и охраняют сотни семей и домов. В последние годы ангелы спустились на землю, отстегнули крылья, уселись на стулья, диваны и успокоились. Стали подставками для книг. Укрупнились. Очистились от декораций и покрылись ярким локальным цветом. Превратились в чистую точную скульптуру, которая отсылает нас к лучшим образцам классической «крупной» мелкой пластики.

Об истоках

Наталья Савинова – художник европейский. Не в том смысле, что внутриевропейский или для внутриевропейского пользования, а, скажем, в Америке или в Китае будет не понята. Совсем наоборот, ее работы там наверняка будут востребованы с восторгом. Наташа «европейка нежная» в том смысле, что работает в контексте средиземноморской традиции мелкой пластики. Пластика эта – часть большой скульптуры, она вышла из монументальной и к ней, при всех своих малых размерах, нас отсылает. Контекст Савиновских работ – это крашенная ангобами скульптура Танагры; фарфор Майсена 20-30 гг. XX века (Пауль Шойрих и его последователи) и наша «ломоносовская» Данько. В этом прекрасном ряду лучшие ее работы абсолютно уверенно чувствуют себя законными наследниками. Следует добавить в предтечи еще ренессансную технику подглазурной росписи по сырой эмали, освоенную Наташей еще в годы студенчества в ЛВХПУ при копировании итальянской майолики эпохи Возрождения, и служившую ей верно всю творческую жизнь.

О театре

Наталья долгие годы строила свой театр, свое сценическое пространство. Упрямо доказывала себе и другим, что организация внутреннего личного пространства, мира, дома, важнее внешнего мира, мироустройства вообще. Она полюбила и часто использовала внутренне автономное освещение своих пространственных композиций и часов, не боясь упреков в сценографии, в опасном приближении их к театральным макетам. Они действительно напоминают елочные новогодние домики, вертепы, сцены кукольных театриков. Кажется, для нее было принципиальным, если хотите, идеологичным, иметь внутренний свет, независимый от внешнего источника света. Личный мир как автономное плавание в подводной лодке, где все свое и не зависит от мирового океана. Впрочем, она была умна, способна к компромиссам, и на ее персональной выставке вполне сочетались и внутренние и внешние источники света.

О языке

Замечу, что Наташа сохраняла редкую преданность и любовь к своему материалу – языку. Одна из немногих в своем поколении керамистов, большинство которых ушло потом в живопись, скульптуру, графику, дизайн, литературу, она оставалась верной глине и только глине. В течение 40 лет – ясное, упрямое, ограниченное (теми же материалами, теми же глазурями, той же техникой, теми же печами и размерами) углубление, уточнение, обогащение своего керамического языка. Этим языком она пользовалась всегда очень определенно, точно – говорила ровно то, что хотела сказать. Не больше и не меньше, без тумана, попадала в цель по-снайперски. Она обладала способностью ясного прямого высказывания. Мне кажется, это качество очень высокого профессионализма.

Еще об истоках

Говоря об ее истоках, нужно, конечно, вспомнить творчество ее замечательных родителей и их учителей. В первую очередь назвать бесконечно талантливую Ольгу Борисовну Богаевскую и Глеба Александровича Савинова и вместе с ними вспомнить русскую живопись XIX века от «Детей, бегущих от грозы» Маковского до дачных групповых семейных портретов и автопортретов Зинаиды Серебряковой. От маминых натюрмортов и портретов детей до итальянских рисунков деда Александра Ивановича Савинова. От Осмеркина, учителя Ольги Борисовны, до «Бубнового валета» и Гончаровой. От фарфора античного Матвеева до фарфорового лубка Гжели.

О судьбе

Живя в любви в потомственной семье художников, в удивительном доме, в прекрасном городе Наташа прожила не безоблачную, а трудную жизнь. Нелегкая доля ее женская была явлена в полной мере. Пережила мучительно (точнее переживала до конца жизни) уход Саши Задорина из семьи. Похоронила двух любимых гениальных мужей, нежно любимых родителей. В годы безденежья построила новую дачу в Юкках взамен любимой всей Савиновской семьей, сгоревшей от пожара. Возглавила и мудро вела большой дом, когда родители в одночасье состарились. Дом на Каменноостровском всегда был полон друзей и открыт для коллег отовсюду. Гостеприимные застолья под большим зеленым абажуром, с зелеными рюмками из натюрмортов Кончаловского, с потрясающими вкусными Наташиными пирожками с капустой – всегда для меня нежные и радостные воспоминания нашего живописного, текстильного, керамического братства. Наташа воспитала талантливую дочку и, как бы между делом, талантливую внучку. И при всем горе потерь, гнете забот, плодотворно и с удовольствием много ежедневно ежегодно работала, работала, работала, обеспечивая и достойный материальный достаток семьи и свое редкое, никем не занятое, исключительно значительное и узнаваемое место в русском искусстве. Искусство Натальи Савиновой доброе светлое, очень талантливое и утверждающее, навечно продлевающее, ее уникальную жизнь и душу.

О характере

Ей была свойственна редкая бескорыстная искренняя заинтересованность в делах друзей, их планах, в течении их жизни. Остро не хватает ее ненавязчивой заботы, желания и готовности помочь, поделиться советом, воспоминанием, связями, друзьями. Доброта, тактичность, трогательное желание не огорчить, поберечь тебя, не говорить о плохом. Не забуду, как она сообщила по телефону о смерти Василия Цыганкова, с кем они прожили вместе десять счастливых лет. Заикаясь сказала: «Прости, пожалуйста. Очень не хочу тебя огорчать. Ночью умер Вася. Прости за эту весть». Даже в этот страшный день она попыталась смягчить для меня известие о смерти друга, подумала и обо мне. Зато, с каким удовольствием и как обильно говорила она о хорошем, о детях, о внуках, об общих друзьях. Как катастрофически не хватает ее телефонных звонков, длинных разговоров ни о чем и обо всем на свете. Не зря ее ангелы были очень похожи на нее. Если там, куда она ушла не черная бездна, а все-таки свет, то нет у меня сомнения, что Наташа у престола и заботится и охраняет всех, кого она любила и любит.

Об уходе

Тяжело и мучительно боля в последний год жизни, уже прикованная к постели, она уходила от разговоров о болезни, быстро и охотно переводила стрелку на нашу жизнь, на наши новости. Когда узнала про мои сердечные дела и то, что необходима мне срочная операция, она резко оживилась, переключилась со всей своей безмерно заботливой энергией на мои проблемы и действительно реально очень помогла. Дня за три до смерти Татка позвонила. Попрощаться. Слабым, как всегда, будто извиняющимся голосом, сказала: «Будьте здоровы. Пожалуйста, не болейте». Я положил трубку и заплакал... Какая-то необъяснимая жестокая тупая несправедливость в том, что наша рыжая солнечная Татка ушла так рано. Была она и как человек и как художник – чистое золото.

Владимир Цивин. 14.05.2014.